

Институциональная экономика в современной экономической науке, или по поводу всего в статье В. М. Ефимова «Анти-Аузан: критика одной социальной философии»

Н. А. ШАПИРО, доктор экономических наук. E-mail: nshapiro@herzen.spb.ru
ORCID: 0000-0002-6942-7518
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург

Аннотация. В статье обсуждаются проблемы институциональной экономики, поднятые В. Н. Ефимовым в журнале «ЭКО» № 9–10 (2020 г.) «Анти-Аузан: критика одной социальной философии». Несогласие с представленной критикой аргументируется тем, что оценка теории произведена с точки зрения неактуального понимания состояния современной экономической науки и ее методологии. «Критика из прошлого» вылилась в комплекс распространенных заблуждений относительно институциональной экономики. Не принимая требований современной методологии и тестируя институциональную экономику хаотическим выбором инструментов или определений прошлого, г-н Ефимов практически отрицает научную продуктивность институциональной экономики. В статье дан вариант концептуального оппонирования «критики из прошлого» по вопросам о деньгах, о соотношении институциональной экономики и неолиберализма, и о претензии институциональной экономики на социальную философию с точки зрения ее современного методологического состояния.

Ключевые слова: методология экономической науки; критика; неоклассика; теории денег; неолиберализм; социальная философия

В статье «Анти-Аузан: критика одной социальной философии» г-н Ефимов [Ефимов, 2020 а, b], насколько удалось понять, рассуждает по факту не о социальной философии, а большей частью об институциональной экономике (новой институциональной теории), потому как он использует фамилию Аузан [Аузан, 2014] в названии статьи и, как свидетельствует текст, полагает, что тот пересказывает монографию Т. Эггертссона «Экономическое поведение и институты» [Эггертссон, 2001]. При этом г-н Ефимов почему-то называет работу А. Аузана учебником, тогда как это научная публицистика. Кого же в итоге критикует автор – Аузана или Эггертссона, остается не выясненным.

При этом г-н Ефимов игнорирует норму современного научного дискурса, относящуюся к оценке персональных взглядов современников. Как отмечают коллеги Л. Роббинса, когда тот читал курс лекций по истории экономической мысли в Лондонской школе экономики (1979–1981), то не затрагивал взгляды современников по очевидной причине: «...мы слишком близко стоим друг к другу, чтобы высказывать непредвзятые суждения» [Медема, Сэмюэлс, 2013. С. 427]. Поэтому обратимся, прежде всего, к теории институциональной экономики.

Известен критический взгляд на институциональную экономику, высказанный У. Дж. Сэмюэлсом [Сэмюэлс, 2002], где ряд утверждений совпадает с позицией В. Н. Ефимова. Например, что началом институциональной экономики являются работы авторов традиционного американского институционализма: Т. Веблена, Дж. Коммонса и У. Митчелла. Такая точка отсчета представляется ошибочной уже потому, что в основополагающей работе Р. Коуза «Природа фирмы» [Coase, 1937] нет никаких ссылок на взгляды традиционных институционалистов.

В то же время можно согласиться с У. Дж. Сэмюэлсом, что институциональная экономика – все еще корпус знаний, а не их система. Объяснение факта исторической случайности, в результате которого одним термином «институционализм» оказались обозначены различные по сути концепции, можно найти в публикациях российских авторов [Расков, Марков, 2015]. Кроме того, в настоящее время есть еще одно направление теоретической мысли, использующее в своем названии термин «институционализм» – это радикальный политический институционализм [Dugger & Waller, 1996], который связан идеологически с трактовками политических «левых» [Кирдина-Чэндлер, 2017].

Критика г-на Ефимова построена так, будто бы он знает истинную и абсолютно верную теорию, на правомерность выводов которой не влияют ни время, ни цели, ни задачи исследования. Между тем по факту он бессистемно сопоставляет положения институциональной экономики с разными теориями прошлого. Результатом критики «из прошлого» стали некорректные выводы и оценки продуктивности институциональной экономики.

Задача данной статьи – показать, что критика не имеет универсального набора инструментов или правил, что не достаточно, например, формальной логики или личной веры в правоту отдельных высказываний для получения корректных выводов.

Критика и современная методология экономической науки

Точка зрения, положенная в основу критики той или иной теории, важна не менее, чем изложение истории этой теории, поскольку от этого зависит результат. Например, когда в истории науки теории прошлого противопоставляются ее развитому состоянию, результатом является «монументальная коллекция ошибок» [Дин, 2002. С. 29]. Когда одной из теорий приписывается право на обладание истиной, изучение всех остальных сводится к якобы совершенным ими ошибкам. Так было в советской экономической науке, где ошибались все, кроме марксистов.

Но если бы на самом деле появилась теория, обладающая бесспорной истиной, все остальные бы канули в Лету за ненадобностью. Множество теорий существует вовсе не потому, что одни исследователи скрывают от других правильные подходы, а потому, что человечество еще не научилось генерировать абсолютно правильный продукт в результате когнитивной деятельности. Множество исследователей неустанно ведут этот поиск. Если теория получила известность и признание, это означает, что ее авторам удалось конкретно и конструктивно отразить тот или иной феномен, решая вставшие проблемы и отвечая на вызовы. Однако глубина ее «правомерности» может быть признаваемой от недель до веков.

Современное состояние экономической науки характеризуется термином «постмодернистский конструктивизм» для одних и как «кризис» или «хаос» для других. Но, вне зависимости от того, какая из этих позиций ближе конкретному исследователю (постмодернизм или кризис, конструктивизм или хаос), нельзя не считаться с тем фактом, что к началу XXI века мир экономической теории и ее истории стал значительно шире, сложнее и разнообразнее, чем когда бы то ни было прежде.

Гетеродоксия или теоретический плюрализм, фрагментарность современной экономической науки, теоретическая и методологическая неоднородность, степень проникновения

в сущность изучаемых явлений, различие исследовательских программ, предполагающих, как отмечал И. Лакатос, разные векторы отрицательной и положительной эвристики [Лакатос, 2003. С. 75] являются неоспоримыми фактами. Все перечисленные (и не перечисленные) факторы привели к тому, что исчез эталон теории, некая норма, опираясь на которую, можно однозначно утверждать, что хорошо, а что плохо, что правильно, а что нет.

В статье г-на Ефимова используется модель знания экономической теории, сложившаяся к концу XIX в., когда все многообразие теории представлялось тремя течениями: неоклассика, марксизм и историческая школа [Ефимов, 2020а. С. 76]. Это слишком просто для нынешнего времени, а потому не имеет отношения к действительному положению дел, иначе говоря, – не релевантно.

Практика экономической науки в целом, равно как и каждой из школ, из которых экономическая наука состояла в XX веке и состоит в XXI, показывает, что гетеродоксия отразилась на состоянии не только общего теоретического пространства, но и на мейнстриме. Как отмечают современные историки экономической мысли, после Второй мировой войны даже то, что считалось ортодоксией или гетеродоксией, стало принимать самые разнообразные формы [Медема, Сэмюэлс, 2013. С. 427].

Динамичность исследовательской экономической практики привела к проникновению гетеродоксии в мейнстрим. Теперь это не одна известная теория, играющая роль нормы, сопоставление с которой дает основания к критическим оценкам и замечаниям, а набор теорий и концепций, используемых для исследования и объяснения актуальных проблем окружающего мира.

В первой половине XX века в развитых странах Запада роль мейнстрима в экономической науке выполняла неоклассическая теория рынка. С 1917 г., начиная от России/СССР до Китая после Второй мировой войны, мейнстримом теории о социализме было ученье К. Маркса. И то, и другое учения сегодня не столь однозначны и ортодоксальны как прежде. (Про мейнстрим теории социализма можно прочесть у П. А. Ореховского [Ореховский, 2020].)

Первый, получивший известность в XX веке, гетеродоксальный по составу мейнстрим был представлен П. Самуэльсоном в его «Основах экономической теории» [Samuelson, 1947]. В этой

работе не просто описывались одновременно микро- и макро-экономика, но последняя, в особенности, включала фрагменты разных теорий, отобранных по принципу лучшего решения тех или иных макроэкономических проблем.

Современный мейнстрим – это корпус наиболее апробированных практикой теоретических инструментов, представленных теорией общего равновесия, новой классической макроэкономикой, чикагской школой, некоторыми фрагментами кейнсианства и неокейнсианских теорий, новая институциональная теория (институциональная экономика) и поведенческая экономика.

Многозначность и изменчивость экономической теории предвидел А. Маршалл – один из основателей неоклассики, предложивший изменить название научной дисциплины «политическая экономия» на *economics*. Объясняя свою позицию, он писал: «В задачи экономической науки входит получение знаний для самой себя и выработка руководства к поведению в практической жизни, прежде всего общественной...поэтому она (*экономическая наука – Н.Ш.*) является наукой – чистой и прикладной, а не одновременно и наукой и искусством. Вот почему ее лучше обозначать широким термином “экономическая наука” (*Economics*), чем более узким термином “политическая экономия” (*Political Economy*) [Маршалл, 1993. С. 100].

Потребности практической жизни требуют от экономической науки разных исследований, порой не имеющих друг с другом непосредственной логической связи, что приводит к разработке разных инструментов. Это и заставляет менять теории, определяющие состав мейнстрима. При этом присущая неоклассике предельная абстрагированность от социально-институционального контента позволяет «погружать» ее в разные среды и обстоятельства, поэтому она присутствует во многих фрагментах мейнстрима, включая институциональную экономику.

В условиях гетеродоксальной теории критика может сопоставлять варианты теоретических решений, рассматривать положительные и отрицательные стороны разных вариантов, отталкиваясь от потребности решения конкретной проблемы или ситуации. Цитирования, пусть и более известных, с точки зрения критика, альтернативных теорий, абсолютно недостаточно для того, чтобы делать вывод об ошибках. «Понравившиеся» ему определения могут быть даны: 1) на основе решения иных

проблем, 2) в других обстоятельствах и контекстах, 3) самое главное – в других методологических стандартах. Без выяснения указанных моментов методологической совместимости любая критика теории бесплодна и бессмысленна, чревата цепью ошибочных рассуждений. Кроме того, нужно иметь в виду, что оценка теоретического наследия меняется со временем [Шапиرو, 2015b].

Критика представляет собой результат методологической рефлексии теории. Если теория стала фрагментарной, этот факт отражается в методологии. В современных условиях работает только один общий неэкономический критерий – «филологическая правильность» [Ронкалья, 2018. С. 15]. Это можно прокомментировать так, что границы критики теории заложены в самой теории, в ее картине мира, которую теория предполагает. Критика конструктивна в заданных смысловых рамках текстов, за границами этих рамок следуют уже мировоззренческие разногласия (т.е. оспаривание самих рамок) и предполагается предложение принципиально иной теории. Если отсутствует универсальная теория, следует исходить из того, что нет и универсальной критики.

О деньгах, неолиберализме и социальной философии

Далее остановимся на критике, данной г-ном Ефимовым, по поводу отсутствия денег в логике институциональной экономики; связи институциональной экономики с неолиберализмом и претензии институциональной экономики на роль социальной философии.

Как известно, институциональная экономика исходит из двух общих установок: социальные институты имеют значение (*institutions matter*) и они поддаются анализу с помощью стандартных инструментов экономической теории. Такими стандартными инструментами являются неоклассические.

Начало новой институциональной теории (институциональной экономики) положено Р. Коузом, объектом критического внимания которого была неоклассика, а не традиционный американский институционализм Т. В. Веблена, Дж. Р. Коммонса и У. К. Митчелла, как уже отмечалось ранее. Традиционный институционализм и институциональная экономика исходят в своих теоретико-методологических построениях из критики одного объекта – неоклассики, но интенция и предмет их критики

различны. В чем-то аналогичной была ситуация с классической школой политэкономии, критика которой дала три разных направления: неоклассику, историческую школу и марксизм. Каждое из направлений сформировалось на базе критики разных аспектов одного объекта.

Традиционный институционализм и институциональная экономика также берут разные стороны неоклассической теории в качестве предмета критики. Традиционный институционализм *отказывал неоклассике в научности* из-за отсутствия эволюционности и стремления к предельно абстрактному отражению поведения хозяйствующих субъектов, через идеи маржинализма и рыночного равновесия. Институциональная экономика считала необходимым *развить и отчасти дополнить* методологию неоклассики, приблизив ее к реальности, сделав тем самым инструментарий неоклассики продуктивным для исследования реальной структуры экономики. В стремлении вести более реалистичные исследования были уточнена и продвинута концепция методологического индивидуализма (погружаясь вглубь от фирмы к отдельному человеку, получился микро-микро подход), скорректировано толкование поведения реального человека, как ограниченно рациональное (через понятие оппортунистического поведения) и конкретизирован реальный механизм рыночных трансакций с учетом затрат на их совершение (введено понятие трансакционных издержек).

Институциональная экономика однозначно не отрицает так называемое ядро неоклассических элементов (хотя это является предметом спора между самими институционалистами: переродилось ли неоклассическое ядро по мере развития привнесенных элементов в качественно новое?). А. Ронкалья отмечает, что «... это по существу еще один неоклассический синтез» [Ронкалья, 2018. С. 554]. Первым был неоклассический синтез П. Самуэльсона, который макроэкономические проблемы рассматривал с помощью предельного анализа со встроенными элементами маржинализма.

В новом синтезе взаимодействуют микроэкономика и «микро» концепции других наук: частного порядка улаживания конфликтов (юридическая наука) и организационной теории [Уильямсон, 1996. С. 32–43] через учет поведенческих аспектов экономических субъектов. Если использовать геометрические

аналогии, то первый синтез был вертикальным, а второй – горизонтальным. Заимствованием у традиционного институционализма в институциональной экономике является лишь концепция контракта Дж. Р. Коммонса, но никак не теория денег и даже не понятие института.

Восприняв ядро неоклассики, институциональная экономика использует такой инструмент, как деньги, экзогенно или эксплицитно. Неоклассическая теория построена так, что может обойтись без имманентной теории денег, потому что деньги не являются продуктом деятельности отдельных хозяйствующих субъектов. В мире хозяйствующих субъектов, который формирует неоклассическая теория, деньги признаются важнейшим фактором влияния, а не элементом, определяющим его сущность. В микроэкономике важны цены. Микроэкономика есть теория цены, а не денег.

Для современной науки деньги пока остаются феноменом, несмотря на их практическую значимость. Теория денег, как, обобщая мнения других исследователей, отмечал Т. Эггертссон, (на него ссылается и г-н Ефимов, но по другим поводам), является интеллектуальным придатком известных теоретических схем, для существования которого пока нет аналитического объяснения [Эггертссон, 2001. С. 251]. Деньги – это «большая тайна», но не потому, как пишет Е. Ефимов, что «...сильные мира сего, а также те, кто находится у них в услужении, стараются скрыть. И вот уже в течение 300 лет это у них неплохо получается» [Ефимов, 2020а. С. 65], – а потому, что это – все еще феномен, несмотря на то, что многие научились им умело пользоваться.

Если бы экономическая теория располагала научно достоверной и продуктивной концепцией денег, вписывающейся в микроэкономическую методологию, это, возможно, способствовало бы более глубокому и результативному анализу. Л. Роббинс – безусловный приверженец неоклассики, заключительную лекцию своего курса по истории экономической мысли посвящал деньгам, где он останавливался на пояснении различных сложностей, связанных с местом денежной теории в современной экономической науке.

«...Хочу обратить ваше внимание на то, что в ходе развития экономической теории, которое кто-то назвал маржиналистской революцией, экономисты стали более внимательно относиться

к месту денег в этой теории» [Роббинс, 2013. С. 414]. В результате проведенного исследования научных работ, начиная с У. Петти, включая А. Маршалла, Л. фон Мизеса, Викселя, Дж. М. Кейнса, М. Фридмена и др., он выделил лишь лучшего, с его точки зрения, автора, пишущего о деньгах, – И. Фишера [Fisher, 1965]. Но это лишь лучшая работа, по мнению Л. Роббинса, а не окончательный ответ на вопросы о деньгах.

Современная экономическая теория дает известные варианты осмысления денег в курсе макроэкономики. Цитаты В. Н. Ефимова из Маклеода или Коммонса [Ефимов, 2020а. С. 65] красноречиво свидетельствуют о том, что Маклеод и Коммонс ведут свои рассуждения о деньгах в макроэкономическом контексте. Можно, конечно, сожалеть о том, что пока нет научного прорыва в понимании денег, и экономистам приходится довольствоваться их дескриптивными характеристиками.

Рассматривая взаимодействие неоллиберализма и институциональной экономики, следует отметить, что неоллиберализм имеет в современном дискурсе минимум два значения: это особая идеология и направление теорий. Во втором случае нужно иметь в виду, что соответствующая группа теорий и институциональная экономика лежат на разных методологических «полочках» и имеют разные исследовательские программы.

История появления неоллиберализма как теоретического направления известна. Коллоквиум Липмана 1937 г. был посвящен не только критике теории государственного регулирования Дж. М. Кейнса [Keynes, 1936], идеи которой либеральные экономисты расценили как чрезмерное вмешательство в рыночные механизмы, но и защите свободы в целом. Коллоквиум Липмана выработал понимание новой роли государства, поскольку концепция ночного сторожа не отвечала вызовам времени, подрывавшим архитектуру либеральной экономики [Lippmann, 1937].

Воплощение этой новой роли государства разным участникам коллоквиума представлялось принципиально различным: через правое регулирование (новые австрийцы), монетарное регулирование (чикагская школа) и разделение порядка и политики (немецкий ордолиберализм). Но все три концепции сохраняли макроэкономический статус, поскольку противостояли теории макроэкономического регулирования Дж. М. Кейнса. Следует отметить, в контексте изменения оценок со временем, что

позднее взгляды Кейнса и Фридмена перестали трактоваться антагонистично, как это было в 1937 г. Один английский экономист заметил: «... Наблюдая с возвышения битву кейнсианцев и сторонников Фридмена, сквозь дым можно было бы различить фигуры их вождей, отнюдь не ведущих в бой свои армии, а спина к спине сражающихся со своими последователями» [Браунинг, 1987. С. 78].

Взгляды Кейнса и Фридмена традиционно противопоставляются идеологически из-за разной трактовки роли государства, а не денег. Концепции денег в этих теориях, по сути, не несут в себе непреодолимых противоречий. Современная практика денежно-кредитной политики это подтверждает (приоритет монетарного регулирования над бюджетно-налоговым – это по Фридмену, и способ регулирования предложения денег через процентную ставку – это по Кейнсу), но это уже другая история.

Любопытно, что программная работа Дж. М. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» была опубликована в 1936 г., а ставшая хрестоматийной для институциональной экономики работа Р. Коуза «Природа фирмы» – в 1937 г. Но если работа Кейнса вызвала мгновенную реакцию научного сообщества – полемику и дискуссии, то идеи Коуза оставались на периферии экономической мысли вплоть до 1980-х годов. Вспомнить о них пришлось в связи со становлением рыночного хозяйства в бывших социалистических странах, так как неоклассическая теория (а не неолиберализм) оказалась не приспособленной для реальных практик социального конструирования рынка (что, собственно, и подтвердило справедливость критики Р. Коуза и его сторонников в адрес неоклассики). Институциональная экономика, ориентированная на изучение форм адаптации таких институтов, как рынок и фирма, к различным условиям, объясняет, почему каждая страна имеет свой путь становления рынка, а практики копирования подходов, по сути, обречены на провал.

Из сопоставления концепций институциональной экономики и неолиберализма как направлений экономической теории, можно сделать вывод, что их развитие не оказало прямого влияния друг на друга. У них разные исследовательские программы. Неолиберализм исследовал функции и место государства в современном рынке, а институциональная экономика изучает разнообразие экономических институтов, причины их

эффективности и неэффективности, т.е. критикует отчасти тот порядок и те структуры, включая государство, которые сдерживают развитие рыночной экономики.

Неолиберализм как идеология – это нечто совсем иное. Это продукт «левого» мировоззрения, своего рода синоним «мирового зла». Содержание «мирового зла» видится левыми политиками в тех жестких рамках, которых придерживаются страны с развитой рыночной экономикой в государственном вмешательстве. Допустимое вмешательство – это контроль за ростом госсектора и активное использование приватизации, поддержка и развитие предпринимательства, контроль за расширением влияния естественных монополий; приоритеты в финансировании связаны с человеческим капиталом – образование и здравоохранение.

Проблемное поле институциональной экономики ограничивается институтами, регулирующими поведение акторов/экономических субъектов и экономических организаций в условиях рынка. Общими вопросами идеологии она не занимается и претензии к ней можно предъявлять только в том смысле, почему она вообще не выступает против рынка?!

Таким образом, приписывание институциональной экономике характерных черт неолиберализма просто некорректно.

И теперь о том, может ли институциональная экономика быть социальной философией? Друг всех любознательных – Википедия – первой среди известных форм социальной философии называет марксизм. История марксизма свидетельствует о том, что, кроме экономического содержания, его становлению способствовали достижения самой философии. Тогда «три источника и три составные части марксизма» одновременно и однопавленно двигались к некоей общей цели – описанию будущего [Ленин, 1973. С. 39–49].

Для того чтобы институциональная экономика стала социальной философией, видимо, логически должны иметь место две предпосылки. Первая: институциональная экономика должна каким-то образом стать концепцией макроэволюции. Отметим, что шаги в сторону макроисследований уже имеют место быть. Например, Эггертссон дал макроэкономическую формулировку теоремы Коуза: «...Тип правления в стране не влияет на ее экономический рост и развитие, если издержки транзакционных процессов как в политической, так и в экономической сферах

равны нулю. Однако при положительных трансакционных издержках распределения политической власти внутри страны и структура институтов, вырабатывающих правила, являются решающими факторами экономического развития» [Эггертссон, 2001. С. 266]. Но если говорить об эволюции, такого рода сдвиги не заметны в строгих границах институциональной экономики, а концепция *path dependence* объясняет диаметрально противоположное явление: почему развития не происходит. Между тем социальная философия ведет речь о наиболее общих закономерностях функционирования и *развития* человеческого общества, отвечая на вопросы о том, что есть общество, *куда оно движется* и какое место занимает в нём человек.

Вторая важная предпосылка касается характеристики самой философии: она должна располагать конструктами, преодолевающими постмодернистскую фрагментарность, т.е. должна быть цельной. Современная же философия пока несет «вирусы» плюрализма и гетерогенности, «заражая» им социальную и гуманитарную науку в целом. (Отечественные философы используют такой термин как «постнеклассический этап» развития науки [Черникова, 2015].) Традиционная интерпретация общечеловеческих ценностей теряет актуальность, а новая формула пока не носится в воздухе, вместо этого актуализируются вопросы национальной культурной идентификации, культурного кода.

Трудно прогнозировать, каким образом и когда в философии может появиться идея, которая представит миру конструкт преодоления фрагментарности и всеобщего единения. На сегодняшний день такие трансформации в институциональной теории и философии не очевидны. Известные формы социальной философии устремлялись в будущее, оперируя и разрабатывая такие понятия, которые представляли бы нормативные социетальные ценности, разделяемые всеми. Институциональная теория, как представляется, не движется в этом направлении. Она если и использует абстрактное понятие неоклассики, то лишь для того, чтобы более четко объяснить разнообразие действительности реальной и исторической.

Если претензии г-на Ефимова к институциональной экономике по поводу игнорирования денег и тесной связи с неолиберализмом как левой идеологией «зла» неубедительны, то амбиций превращения институциональной экономики в социальную

философию он опасается необоснованно. Институциональная экономика пока переживает процесс самоопределения: является ли она лишь дополнением к неоклассике или же уже стала ее достойным конкурентом.

Так, предвидения Т. Эггертссона в начале XXI в. ограничились тем, «что когда-нибудь именно этот подход [*институциональной экономики – Н.Ш.*] будет именоваться экономической теорией» [Эггертссон, 2001. С. 15].

Но признаки превращения теории в социальную философию не являются критерием полноценности теории. Конечно, плох тот солдат, который не мечтает стать генералом, но армия не может состоять из одних генералов, и «неставшие» генералами солдаты вовсе не плохи. Хорошие солдаты нужны не только для появления генералов, но и для существования армии.

Вместо заключения

Думаю, не стоит нагружать читателя подробностями собственной биографии и субъективной правды об экономическом факультете МГУ им. М. И. Ломоносова в минувшие годы. У каждого – своя правда, которая фактически является оценкой событий, где все зависит от того, как эти события коснулись тебя лично.

Если же порассуждать о концепциях с приставкой «анти» (др.-греч. ἀντί), обозначающей противопоставление или противодействие [Шапиро, 2015а]... В обозримом прошлом это, конечно, «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса [Энгельс, 1977], в актуальном настоящем – «антихрупкость» Н. Талеба [Талеб, 2014] или «антикризис» Ю.М. Осипова [Осипов, 2016] и др. Это модная концепция!

Что касается «Анти-Аузана», можно привести слова все того же Л. Роббинса о К. Поппере: «Поппер всегда излагает точку зрения, которую собирается раскритиковать, яснее, чем те, кого он критикует, и его описание ... заслуживает прочтения» [Роббинс, 2013. С. 320]. Эту характеристику без всяких оговорок можно отнести к работе «Экономика всего» и ее автору – А. Аузану, которому удастся объяснять теории других, лучше, чем это делают они сами. В работе «Экономика всего» [Аузан, 2014] доступно, нескудно и критически не вульгарно объяснены базовые концепции и понятия институциональной экономики. В этом

смысле «Анти-Аузан» – это тот, кому трудно дается понимание и ясность изложения не своих идей.

Литература

Аузан А. А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. М., 2014. 160 с.

Браунинг П. Современные экономические теории – буржуазные концепции. М.: Экономика, 1987. 160 с.

Дин Ф. Роль истории экономической мысли. В кн.: Панорама экономической мысли конца XX столетия / Под ред Д. Гринэуэя, М. Блини, И. Стюарта. СПб.: Экономическая школа, Т. 1. С. 28–53.

Ефимов В. М. Анти-Аузан: критика одной социальной философии. Часть 1 // ЭКО. 2020а. № 9. С. 52–89. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2020-9-62-89

Ефимов В. М. Анти-Аузан: критика одной социальной философии. Часть 2 // ЭКО. 2020б. № 10. С. 168–192. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2020-10-168-192.

Кирдина-Чэндлер С. Г. Радикальный институционализм и фейковая экономика в XXI веке // Журнал институциональных исследований. 2017. Т. 9. № 4. С. 6–15.

Лакатос И. Методология исследовательских программ. М., 2003. 380 с.

Ленин В. И. Три источника, три составные части марксизма. ПСС. Т. 23. 1973. С. 39–49.

Маршалл А. Принципы экономической науки /А. Маршалл. М.: Изд. группа «Прогресс» «Универс», 1993. Часть I. 414 с.

Медема С. Г., Сэмюэлс У. Дж. Послесловие в кн. Лайонел Роббинс «Истории экономической мысли: лекции в Лондонской школе экономики». М., 2013. 490 с.

Ореховский П. А. Левая утопия в XXI веке // Общественные науки и современность. 2020. № 2. С. 162–175.

Осинов Ю. М. Российский антикризис. В сб.: Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В. И. Герасимов, Д. В. Ефременко. М., 2016. С. 59–63.

Расков Д. Е., Марков М. В. Коуз и его методологические взгляды. В кн.: Очерки об экономической науке и экономистах. Санкт-Петербургский государственный университет, Факультет свободных искусств и наук, Институт Гайдара. М.; Санкт-Петербург, 2015. С. IX–XXVII.

Роббинс Л. Истории экономической мысли: лекции в Лондонской школе экономики/ Лайонел Роббинс / Пер. с англ. Н. В. Автономовой. Под ред. В. С. Автономова. М.: Инд. Института Гайдара, 2013. 490 с.

Ронкалья А. Богатство идей. История экономической мысли /Алессандро Ронкалья. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2018. 655 с.

Сэмюэлс У. Дж. Институциональная экономическая теория. В кн.: Панорама экономической мысли конца XX столетия / Под ред Д. Гринэуэя, М. Блини, И. Стюарта. СПб.: Экономическая школа, 2002. Т. 1. С. 125–142.

Тaleb Н. Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса. М., 2019. 768 с.

Уильямсон О. Экономические институты капитализма. СПб. 1996. 702 с.

Черникова И. В. Трансдисциплинарные методологии и технологии современной науки // Вопросы философии. 2015. № 4. С. 26–35.

Шапиро Н. А. Ценности и смыслы научной школы Н. А. Цаголова // Проблемы современной экономики 2015а. № 3(55). С. 78–82.

Шапиро Н. А. Онтологический смысл концепций «анти». Экономическая теория в XXI веке – 9(16): Российский антикризис и экономическая наука / Под ред. Ю. М. Осипова, В. М. Юрьева, Е. С. Зотовой. М.; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина. 2015б. С. 325–331.

Эггертсон Т. Экономическое поведение и институты. М., 2001. 408 с.

Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. М., 1977. 483 с.

Coase R. The Nature of the Firm. *Economica*. Vol. 4. No. 16. November 1937. Pp. 386–405.

Dugger W., Waller W. Radical Institutionalism: From Technological to Democratic Instrumentalism. *Review of Social Economy*. 54(2), (Summer). Pp. 169–189.

Fisher I. Mathematical Investigation in the Theory of Value and Price/ New haven transactions of Connecticut Academy of Arts and Science. N.Y.: A. M. Kelley, 1965. 320 p.

Keynes J. M. The General Theory of Employment, Interest and Money, New York. Harcourt, Brace and Company. 1936. 385 p.

Lippmann W. An Inquiry into the Principles of Good Society. Boston, 1937. Pp. xxx, 402.

Samuelson P. A. Foundations of Economic Analysis. Harvard University Press, 1947. 447p.

Статья поступила 14.10.2020.

Статья принята к публикации

Для цитирования: *Шапиро Н. А.* Институциональная экономика в современной экономической науке, или по поводу всего в статье В. М. Ефимова «Анти-Аузан: критика одной социальной философии»// ЭКО. 2021. № 2. С. 176-192. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-2-176-192.

Summary

Shapiro, N.A., *Doct. Sci. (Econ.), The Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg*

Institutional Economics in the Modern Economic Science or on everything raised by V.M. Yefimov in his paper “Anti-Auzan: The Critique of a Social Philosophy”

Abstract. The paper reviews problems of institutional economics raised by Mr. Efimov in the journal ECO. No. 9–10. 2020 «Anti-Auzan: The Critique of a Social Philosophy». First of all, Mr. Efimov allows himself an incorrect comparison of T. Eggertson’s scientific monograph “Economic Behavior and Institutions” and A. Auzan’s scientific journalism “The Economy of Everything”. Secondly, the disagreement with the criticism presented by him is based on the fact that the theory was evaluated from the point of view of irrelevant understanding of the state of modern economic science and its methodology. “Criticism from the past” has resulted in a set of common misconceptions about institutional economics.

Not accepting the requirements of modern methodology and testing institutional economics with a chaotic choice of tools or definitions of the past, Mr. Efimov practically denies the scientific productivity of institutional economics. This paper contains a variant of conceptual opposition to “criticism from the past” on issues of money, the relationship between institutional economics and neoliberalism, and the claim of institutional economics to be a social philosophy from the point of view of its current methodological state.

Keywords: *methodology of modern economic science; criticism; neoclassicism; theories of money; neoliberalism; social philosophy*

References

- Auzan, A.A. (2014). *Economics of everything. How institutions define our life.* Moscow. Mann, Ivanov and Ferber. 160 p. (In Russ.).
- Browning, P. (1987). *Economic Images. Current Economic Controversies.* Moscow. 160 p. (In Russ.)
- Coase, R. (1937). The Nature of the Firm. *Economy*. Vol. 4. No. 16. November. Pp. 386–405.
- Chernikova, I.V. (2015). Transdisciplinary methodologies and technologies of modern science. *Problems of Philosophy*. No. 4. Pp. 26–35. (In Russ.).
- Dean, F. (2002). The role of the history of economic thought. In the book *Companion to Contemporary Economic Thought*. Edited by D. Greenaway, M. Bleaney and I. Stewart. Saint Petersburg: School of Economics, Vol. 1. Pp. 28–53. (In Russ.).
- Dugger, W., Waller, W. (1996). Radical Institutionalism: From Technological to Democratic Instrumentalism. *Review of Social Economy*. 54(2), (Summer). Pp. 169–189.
- Eggertson, T. (2001). *Economic Behavior and Institutions.* Moscow. 408 p. (In Russ.).
- Engels, F. (1977). *Anti-Duhring. The revolution in science by Mr Eugene Dühring* Moscow. 483 p. (In Russ.).
- Fisher, I. (1965). *Mathematical Investigation in the Theory of Value and Price.* New haven transactions of Connecticut Academy of Arts and Science. N.Y.: A. M. Kelley. 320 p.
- Keynes, J.M. (1936). *The General Theory of Employment, Interest and Money,* New York. Harcourt, Brace and Company, 385 p.
- Kirdina-Chandler, S.G. (2017). Radical institutionalism and fake economics in the 21st century. *Journal of Institutional Research*. Vol. 9. No. 4. Pp. 6–15. (In Russ.).
- Lakatos, I. (2003). *Research program methodology.* Metodologiya issledovatel'skikh program. Moscow. 380 p. (In Russ.).
- Lenin, V.I. (1973). *Three sources, three components of Marxism.* Full composition of writings. Vol. 23. Pp. 39–49. (In Russ.).
- Lippmann, W. (1937). *An Inquiry into the Principles of Good Society.* Boston. Pp. xxx, 402.
- Marshall, A. (1993). *Principles of Economics.* Vol. I. Moscow. 414 p. (In Russ.).
- Medema, S.G. and Samuels, W.J. (2013). Afterword in Robbins L. *A History of Economic Thought.* The LSE Lectures. Edited by Steven G. Medema and Warren J. Samuels. Moscow. 490 p. (In Russ.)

Orekhovsky, P.A. (2020). Left Utopia in the 21st Century. *Social sciences and modernity*. No. 2. Pp. 162–175. (In Russ.).

Osipov, Yu.M. (2016). Russian anti-crisis / In the collection: *Russia: trends and development prospects*. Yearbook. RAS. INION. Moscow. Pp. 59–63. (In Russ.).

Raskov, D.E., Markov, M.V. (2015). Coase and his methodological views. In the book: *Essays on Economic Science and Economists*. Moscow, Saint Petersburg. Pp. IX–XXVII. (In Russ.).

Robbins, L. (2013). *A History of Economic Thought*. The LSE Lectures. Edited by Steven G. Medema and Warren J. Samuels. Moscow. 490 p. (In Russ.).

Roncaglia, A. (2018). *The Wealth of Ideas. A History of Economic Thought*. Moscow. 655 p. (In Russ.).

Samuels, W.J. (2002). Institutional economics. In the book. *Companion to Contemporary Economic Thought*. Edited by D. Greenaway, M. Bleaney and I. Stewart. Saint Petersburg: School of Economics. Vol. 1. Pp. 125–142.

Samuelson, P.A. (1947). *Foundations of Economic Analysis*. Harvard University Press, 447 p.

Shapiro, N.A. (2015a). Ontological meaning of the concepts “anti”. In the book. *Economic theory in the XXI century – 9 (16): Russian anti-crisis and economic science*. Tambov. Pp. 325–331. (In Russ.).

Shapiro, N.A. (2015b). The values and meanings of the scientific school of N.A. Tsagolov. *Problems of the modern economy*. No. 3(55). Pp. 78–82. (In Russ.).

Taleb, N.N. (2019). *Antifragility. How to capitalize on the chaos*. Moscow. 768 p. (In Russ.).

Williamson, O. (1996). *The Economic Institutions of Capitalism*. St. Peterburg, 702 p. (In Russ.).

Yefimov, V.M. (2020). Anti-Auzan: The Critique of a Social Philosophy. Part 1. *ECO*. No. 9. Pp. 52–89. (In Russ.). DOI: DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2020–9–62–89. (In Russ.)

Yefimov, V.M. (2020). Anti-Auzan: The Critique of a Social Philosophy. Part 2. *ECO*. No. 10. Pp. 168–192. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2020–10–168–192. (In Russ.)

For citation: Shapiro, N.A. (2021). Institutional Economics in the Modern Economic Science or on everything raised by V.M. Yefimov in his paper «Anti-Auzan: The Critique of a Social Philosophy». *ECO*. No. 2. Pp. 176–192. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-2-176-192.